

ЭЛЕЙН ХО

БУРЯ
И ПЛАМЯ

фэнтези

МИОО

Мимесис

Глава первая

Человек в сверкающих доспехах спрыгнул с лошади и развернул свиток. Его губы зашевелились, но издалека Эрис не было слышно слов. Она рассеянно била об пол пшеничный сноп, чтобы отделить зерна от стеблей, не сводя глаз с поникшего отца. Сестра не успела его подхватить — он упал на землю, закрыв лицо руками.

Эрис уронила сноп пшеницы. *Неужто опять?* Девочка побежала меж рядов иссохших колосьев, залитых утренним светом. Земля скрипела у нее под ногами. Заслышав шаги, Констанция, вторая ее сестра, обернулась и нахмурилась, но Эрис это не остановило. На сей раз сестрам ни за что ее не переубедить.

— Уходи, — сказала Констанция. — Тебе тут не место!

Эрис пропустила приказ мимо ушей.

— Он что, опять за налогом приехал?

Виктория закрыла Эрис дорогу.

— Мы отдадим вам, что есть, когда закончим веять* остальное, — пообещала она сборщику. — Дайте нам время.

Сборщик постучал по своему позолоченному шлему.

— Если каждому крестьянину давать отсрочку, я ничего не получу. Сегодня или никогда. — Он бросил свиток к ногам рыдающего отца.

— Джарус, сбор урожая только-только закончился, — сказала Виктория. — Все, что у нас есть, здесь...

— Да что вы? — Джарус хохотнул и кивнул на поникшие листья и растрескавшуюся зелень. — Что-то я не вижу золота. Ваш отец — вор, и вот ему наказание.

Эрис поднырнула под руку Виктории и бросилась вперед, а потом стукнула кулаком по броне сборщика. С таким же успехом можно было бы ударить цветком по скале. Плечо тут же пронзила боль. Не успела Эрис занести кулак для нового удара, как старшая сестра оттащила ее назад. Силуэты Виктории и Констанции заслонили осеннее солнце.

— Прошу прощения, — сцепив руки, произнесла Констанция. — Она у нас еще маленькая — ей всего восемь — и мало что понимает.

Джарус взглянул на Эрис поверх ее сестер.

— Ты что, в тюрьму захотела, девчушка? Я надзирателя лично знаю.

Веснушчатое лицо Констанции омрачилось тревогой. «Скажи ему то, что он хочет услышать», — молил ее взгляд.

— Нет, — пробормотала девочка.

— Тогда думай в следующий раз, прежде чем замахиваться на того, кто наделен полномочиями! — Джарус потер то место,

---

* То есть очищать зерно от сора. *Здесь и далее прим. пер.*

куда ударила Эрис. — Вмятина осталась. Прибавлю к вашему долгу еще пятьдесят керингов.

Эрис встала на цыпочки. Позолоченные доспехи сборщика налогов блеснули. Для битвы они вряд ли годились.

— Вы что, не слышали, что сказала Виви? Сколько раз повторять: у нас нет денег! — крикнула она из-за сестринских спин.

Виктория зажала девочке рот.

— Прошу, замолчи.

Сборщик сощурился.

— Нет, сотню.

Отец заплакал еще горше. Эрис, поняв, что это ее вина, перестала вырываться из рук Виктории.

Констанция опустила на колени и обняла отца за спину.

— Я очень сожалею, — сказала она Джарусу и склонилась так низко, что лоб коснулся земли. — Умоляю, пересмотрите свое решение.

— Ваш отец взял ссуду на фермерские расходы, а теперь не может платить. У каждого действия есть последствия, и нужно уметь их принимать. Я следую по пути королей стародавних времен. — Джарус грациозно закинул тяжелую ногу на седло, и его щеголеватые доспехи звякнули. — Через три дня эта земля перейдет в мое владение, — объявил он напоследок, прежде чем ускакать. — Будьте готовы.

Эрис открыла было рот, но Виктория сжала ей щеки.

— Мы же просили тебя уйти! — воскликнула Констанция, когда Джарус исчез вдаль. — Погляди, что ты натворила!

— Он назвал папу вором! — напомнила девочка, отпрянув от сестры.

— Какая же ты глупая! — осадила Виктория. — Какое нам дело до слов, если вся наша жизнь в его руках? Через три дня мы станем его рабами!

Констанция помогла отцу встать, и все семейство направилось к их домику из саманного кирпича°, спотыкаясь о пожухлые колосья.

— Мы и так отдаем ему весь свой заработок, и так будет до тех пор, пока мы не закроем долг полностью, — продолжала сестра. — А ты теперь его учетверила!

— Вот сама все и выплачу! — фыркнув, заявила девочка.

Виктория не обратила на ее слова никакого внимания — как, впрочем, и всегда — и побежала вперед.

— Надо уходить, — сказала она, нагнав Констанцию. — В Кешгиуме полно работы. Можем пойти в каменщики или грузчики...

— И жить на улице, как побирušки. Папа этого не вынесет, — возразила сестра.

— Там есть богадельня. Я разговаривала с доктором оттуда. Он нам поможет. — Виктория подняла сноп, который оставила Эрис, и ударила им об пол. Зерна взвились в воздух. — Давайте поработаем как следует в ближайшие два дня. Сколько зерна сможем повеять, все продадим на рынке и будем молить небеса о том, чтобы работа нашлась, пока не закончились деньги.

Эрис ее не слушала. Она смотрела за покосившуюся дверь отцовской хижины, на редкие пни, отделявшие лес у кромки полей от длинного горного хребта, протянувшегося за ним.

***

— Это моя последняя ночь здесь, — шепнула Эрис горному подножию.

Здесь, у горного хребта, никогда не стихал ветер. Девочка часто сидела у подножия после долгого трудового дня в поле, наслаждаясь его прохладой.

° Кирпич из глины и соломы.

Ей нравился запах тополей, который так отчетливо чувствовался ночами, нравились густые ароматы леса, от которых совсем не сохло горло. Лесные жители пели мелодично, но невпопад: какая-то птичка, тоже страдавшая от бессонницы, чиркала среди деревьев, перебивая сверчков, которые и сами стрекотали вовсе не в унисон с шелестом ветвей. Здесь царила суматоха, но Эрис это нравилось. Соседи-фермеры как-то рассказали ей, что в чаще орудует дух Твари, который охотится за всеми непрошеными гостями и нашептывает им в уши ложь, как и много столетий назад. Соседи твердили ей, что не стоит одной тут разгуливать, но отец ей этого не запрещал, даруя дочери полную свободу.

Когда-то они вдвоем играли в прятки в этом лесу. Отец, рослый, загорелый, в длинной пожелтелой рубашке, округлял глаза в деланом изумлении, когда Эрис хватала его, спрятавшегося за чересчур тонким стволом, за ногу, обутую в сандалию. Чем старше становилась дочка, тем лучше он прятался, но со временем перестал показывать зубы, когда улыбался. А однажды и вовсе перестал с ней играть. Эрис легко это пережила: все-таки прятки — забава для малышей, а ей уже целых восемь, но, всякий раз гуляя по лесу, она нет-нет да и заглядывала за деревья в надежде, что он по-прежнему ведет с ней затейливую игру.

Эрис ориентировалась по небу — по Полярной звезде и ближайшим к ней созвездиям. Отыскать солнце днем было нетрудно, но жара изматывала, особенно в посеvную, да и Виктория устроила бы ей взбучку за то, что та отлынивает от работы. Так что она любила гулять ночами, особенно при полной луне. И дело не в том, что лунное сияние указывало дорогу — ее Эрис могла найти и тогда, когда на небе видны только звезды, — просто ей нравилось, как призрачный, голубоватый свет пробивается сквозь листву и окутывает лес.

Больше всего она любила одно местечко у ручья, который бежал вдоль горного хребта. И сегодня, сбросив сандалии, она ступила на влажную землю. Следы тут же заполнила прохладная вода. Боль в ногах сразу стихла. Эрис пошевелила пальцами. От каждого движения холмики грязи то поднимались, то рассыпались. Именно здесь всего несколько месяцев назад она услышала свист и смутную, незнакомую песню.

Уняв тяжесть в ногах, девочка направилась к скалистому подножию горы. Когда-то она верила, что слышит, как поет волшебница, владычица леса, но, к своему разочарованию, обнаружила, что это завывает ветер, пронсящий мимо камней. Эрис представляла, что звук исходит от существа, заточенного в них, — это оно поет и может общаться с миром лишь так.

В отличие от остальных певцов леса, ветер своей песни никогда не менял, он либо глухо гудел, либо выл — в зависимости от того, холодной ли выдалась ночь. Сегодня же было так тихо, что Эрис слышала собственный шепот.

Девочка взяла камень и кинула его на землю.

— Не понимаю, почему мы ничего оставить себе не можем, это же наш урожай! — Эрис швырнула камень еще раз, а потом еще, и чем яростнее кидала, тем стремительнее затихали лесные голоса. — Ерунда какая-то. Если нам самим нечего есть, разве мы сможем растить пшеницу, чтобы выручить для него деньги?

Теперь лесную тишь тревожил лишь монотонный ветер. Эрис пришла сюда по одной-единственной причине и никак не отваживалась про нее рассказать. Она вцепилась в каменистый склон, сдавив пальцами мох.

— Я спросила у Стаци, далеко ли город, и она сказала, что да.

Зрение у девочки помутилось, по лицу заструились слезы. Только здесь и можно было покричать, повопить и поплакать вдоволь. Лес не возражал, в отличие от Виктории, которую так легко было вывести из себя.

Говорить сквозь слезы было нелегко. Дыхание то и дело сбивалось.

— Я... не хочу уходить.

Признание наконец слетело с ее губ, уступив место протяжному плачу. Он вырвался из горла, заглушая вой ветра и песнь леса. Девочка впиалась пальцами в землю и корни и сжала кулак.

Сегодня ветер ответил ей. Когда она притихла на мгновение, чтобы перевести дух, раздался громкий и отчетливый треск.

***

Деревья закачались, а земля задрожала. По горе, от подножия вверх, побежала трещина, и с каждым мигом она становилась все шире, казалось, еще минута — и гора рассыплется на куски. Эрис с трудом поднялась, но тут же упала. Затрещали ветви, посыпались щепки и камни. Увесистый булыжник едва не задел руку. Девочка отскочила, на четвереньках поползла к ближайшему дереву и вцепилась в ствол. Листва шелестела, а голые ветки исступленно трещали в такт стихии.

Неведомая сила потянула ее за спину и руки и оттащила от дерева. А потом сверху навалилась какая-то тяжесть.

Мне конец.

Землетрясение вдруг прекратилось — так же внезапно, как началось. В ушах у Эрис громко и оглушительно зазвенело.

Хватит, хватит, хватит...

— Тсс... Это я, — сквозь шум прорвался хриплый голос человека, привыкшего к сухому воздуху бесплодных полей, и, хотя слух у Эрис притупился, она узнала его.

Эрис сделала вдох. Сжала губы. Шум в ушах пропал — оказалось, ее глушили собственные крики.

Тяжесть, пригвоздившая ее, пошла на убыль, и кто-то начал стряхивать камешки и грязь с ее рубашки. Девочка прищурилась, рассматривая мужской силуэт, проступивший в темноте.

Следом ее обняли шершавые, мозолистые руки. Над землей взвилась пыль, и сквозь эту дымку девочка отчаянно пыталась разглядеть на небе звезды.

— Папа! — изумленно прошептала Эрис.

— Слава королям, ты жива, — прижимая ее к груди, сказал он. — Не поранилась?

— Нет, я цела. — Девочка уткнулась лицом в его грубую пеньковую^{*} рубашку. Руки ее дрожали под действием незнакомой сладостной силы, дыхание сбилось, мышцы сковало. Чувства вспыхнули в ней, точно огонь, эйфория рекой разлилась по телу. Девочка с удивлением заметила, что улыбается.

— Я видел, как ты выходишь из дома, — сказал отец. — Подумал, что ты решила сбежать.

— Я хотела попроситься с лесом, — ответила девочка. — Прости, что ударила сборщика.

— Пятьдесят керинов, сто — какая разница? Нам все равно платить нечем, — покачав головой, сказал отец. Его голос дрогнул, и он крепче прижал дочурку к себе. — Мне так жаль. Не стоило взваливать это на вас со Стаци и Виви... Мои долги — мое и только мое бремя.

Эрис прильнула к отцу.

— Нет! — воскликнула она. — Я помогу тебе. Ты не один. Я с тобой.

Отец вытер лицо рукавом.

— Твоя правда, — проговорил он, скрыв за улыбкой слезы. — Пойдем домой. Только подождем, пока снова выглянут звезды.

Они уселись на землю и, взявшись за руки, стали ждать, пока облако пыли и грязи оседет. Тишину то и дело нарушал отцовский кашель. И вот черная дымка рассеялась. В расселине,

---

^{*} Пенька — грубое и прочное волокно из конопли, используется для производства ткани, канатов, веревок.

разделившей горный склон надвое, сгущалась непроглядная тьма. Ветер уже не насвистывал еле слышно, а порывисто выл в узкой пещере. Теплый воздух просочился Эрис в рот. На самом деле трещина была не такой уж и широкой — туда бы протиснулся только один человек, — но довольно глубокой.

Отец с дочкой приблизились к пещере. Эрис прижалась к подножию, выскользнув из-под защиты отцовской руки, и вытянула шею. В лунном свете поблескивала вода, а поодаль темнели какие-то смутные и неровные очертания. *Что это, флотилия? Или, может, деревня?* Отголоски землетрясения еще пульсировали у Эрис в венах. Она нырнула под отцовскую ладонь и подобралась еще ближе к трещине.

— Что там? — полюбопытствовала она.

Отец обхватил ее за пояс и поднял.

— Ну уж нет, нам пора, — прижав к груди дочурку, напомнил он. — Твои сестры не на шутку разволнуются. Пришло время отправиться в Кешгиум. — Он отвернулся от горы и стал искать взглядом Полярную звезду.

Они двинулись в сторону дома, и вскоре трещина уже слилась с ночной теменью. Эрис все щурилась, всматриваясь в даль, пока листья тополя не заслонили гору.

На миг ей показалось, что и отец разок обернулся.